

Когда нет слов, еще остается музыка...

15 октября оркестр петербургского Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева исполнил в Большом зале Московской консерватории Шестую симфонию Густава Малера

Обычно вообще редко звучащая Шестая в последних сезонах исполнялась по крайней мере трижды: дважды в циклах Евгения Светланова и Павла Когана, а этой осенью ею дирижировал Рудольф Баршай. И все равно этот концерт прошел с аншлагом. Совпали три интеса: к самой музыке, оркестру и дирижеру, звезда которого стремительно восходит. Оркестр Мариинского театра сегодня в великолепной форме, что подтвердил этот концерт, имевший у московской публики шумный успех.

Звучание оркестра было настолько великолепным, что трудно даже выделить какую-

либо одну группу. Замечательен контакт коллектива и дирижера. Оркестр очень точно воспринимает дирижерский жест маэстро. Не могу не сказать, что не только любители, но и многие профессионалы высоко оценили трактовку Валерием Гергиевым Шестой симфонии Малера. Моя же оценка несколько иная.

Все любители малеровской музыки знают, что Шестая симфония — трагическая, так и не разрешающая внутри себя этого трагизма. Зло не побеждено, и свет в конце туннеля не проблискивает. Но что, на мой взгляд, в ней отсутствует, так это агрессивность, хотя исследователь малеровского симфо-

низма И. Барсова и упоминает «агрессивную атмосферу скерцо» именно Шестой симфонии. В трактовке же Гергиева агрессивность заслонил собой все остальное. Симфония прозвучала как апология тоталитаризма. Ее вполне можно было бы использовать в качестве звукового фона для документальных фильмов о гитлеровском фашизме. Это исполнение вызвало еще одну киноассоциацию — с фильмом «Малер» английского режиссера Кена Рассела, его агрессивно-эротической трактовкой творчества композитора, которая уже тогда вызвала у многих почитателей музыки Малера неприятие.

Агрессивность проявилась с первых же тактов и особенно подчеркивалась в двух первых частях — Allegro energico и Scherzo. Такому восприятию

способствовало форсированное звучание виолончелей, контрабасов, контрафэгота и тубы. Трактовка Гергиева подчеркнула тематическое родство этих частей, что и самим композитором, вероятно, осознавалось как некий порок формы. Наверное, недаром сам автор после первого исполнения ввел в партитуру существенные изменения, в том числе изменил порядок частей — поместив местами Scherzo и Andante. Правда, потом Малер вернулся к первоначальному варианту. Эмоционально в трактовке Гергиева две первые части воспринимались мной как одна, несмотря на обычный перерыв между ними. В Andante и финале маэстро несколько сгладило впечатление излишней агрессивности, но полностью отрешиться от нее не смог. В результате три задуманные автором куль-

минация в четвертой части прозвучали как псевдофиналы.

Что ж, каждый музыкант имеет право на свое прочтение произведения. Тем более надо отдать должное тому, что трактовка, предложенная Гергиевым, была цельной и по-своему убедительной. Другое дело — насколько она соответствовала общему духу малеровского творчества? В моем восприятии не соответствовала.

Большинство зала, судя по реакции, эту трактовку приняло. Вероятно, она более соответствует сегодняшнему духовному состоянию российского общества.

Не могу не сказать, что включение в программу концерта сверх давно объявленной симфонии Малера «Прометей» Скрябина, да еще в первом отделении, совершенно несправ-

данно. Для полноценного концерта полутора часов звучания эмоционально переполненной музыки Малера более чем достаточно.

Исполнение «Прометея» получилось безликим, малоэмоциональным. Напряжение, свойственное музыке Скрябина, напрочь отсутствовало. В первую очередь это претензия к пианисту Алексею Торадзе. Бросался в глаза, вернее в уши, сырость интерпретации и несмысленность солиста и оркестра. Да это и не мудрено. Может быть, где-нибудь за рубежом это и осталось бы незамеченным, но не в Москве, где еще немало слушателей, ньюнающих выдающееся исполнение «Прометея» Светлановым и Рихтером в Колонном зале.

● Олег ВЛАДИМИРОВ